

УДК 347.78.025

DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9042>

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Е. А. Локтионова

Юго-Западный государственный университет

Поступила в редакцию 19 ноября 2021 г.

Аннотация: целью исследования является выявление подходов к проблеме совершения преступлений осужденными в период отбывания уголовного наказания, связанного с принудительной изоляцией, а также анализ развития системы изучения пенитенциарной преступности в отечественной науке с учетом некоторых аспектов практического характера.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, осужденный, субкультура, самоорганизация, тюрьмоведение.

Abstract: the purpose of the research is to identify approaches to the problem of crimes committed by convicts while serving a criminal sentence associated with forced isolation, and to analyze the development of the system for studying penitentiary crime in Russian science, taking into account some aspects of a practical nature.

Key words: penitentiary crime, convict, subculture, self-organization, prison science.

Пенитенциарная преступность – одна из тем, являющаяся актуальной для исследований современных криминологов, социологов, представителей уголовного права и ряда других отраслей науки. Под пенитенциарной преступностью в данном случае подразумеваются преступления осужденных в условиях отбывания уголовного наказания, связанного с принудительной изоляцией. Рост количественных показателей преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы, изменение личностных характеристик осужденных, появление с их стороны новых способов и ухищрений в очередной раз обращают на себя внимание теоретиков и являются огромной проблемой для работников пенитенциарных учреждений.

Преступность в тюрьмах существовала с того времени, как появились сами тюрьмы. В данном случае под тюрьмой подразумеваются все виды принудительного лишения свободы. Каждый последующий период становления и развития пенитенциарной системы сопровождался своей спецификой организации преступной деятельности осужденных, зарождением новых форм самоорганизации, формированием субкультурных обычаев и традиций. Особенности преступного поведения в местах лишения свободы связаны с общей обстановкой в учреждениях и спецификой взаимодействия личности с социальной средой в этих условиях¹.

¹ См.: Исина А. Е. Отдельные аспекты влияния социальной обстановки в исправительных учреждениях на пенитенциарную преступность // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 88.

Преступления осужденных как самостоятельное явление долгое время не выделялись из общей картины преступности, что было обусловлено рядом факторов. Первое, на что обращается внимание, это отсутствие точной информации статистического характера, касающейся преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими уголовное наказание. «Система статистического наблюдения преступности», предложенная А. Н. Радищевым и несколько видоизмененная впоследствии в действии, отражала судебно-полицейскую практику. И хотя на полицию возлагались обязанности по предупреждению преступлений в тюрьмах, исполнение их фактически носило второстепенный характер. Преступления совершались в местах изоляции, за их пределами, например, когда арестанты выходили для прошения милостыни на улицы города, но они не всегда фиксировались и тем более не составляли отдельное самостоятельное звено. В этом не было необходимости в условиях, когда перепись самих арестантов не имела системного характера и проводилась периодически, вплоть до создания государственной статистической службы в 1914 г.²

Во-вторых, не все действия правонарушающего характера, совершаемые осужденными, считались преступными, например, побег. Это преступление достаточно часто упоминалось в нормативных документах как наиболее характерное для учреждений пенитенциарной системы. По действовавшему пенитенциарному законодательству попытка побега и в некоторых случаях сам побег не составляли уголовно наказуемого деяния и не являлись основанием для возбуждения следственного производства³, что влекло обычное дисциплинарное взыскание, как правило, телесные наказания. Уголовное законодательство, точнее Уложение о наказаниях, считало побег преступным деянием, ответственность за которое зависела от вида пенитенциарного учреждения. Действия насильственного характера также были распространены, но квалифицировались в основном как дисциплинарные проступки. Таким образом, отсутствие четкой правовой регламентации в данном вопросе, а также противоречия существовавших правовых актов не позволяли обособить данную проблему, поскольку одно и то же действие осужденного могло рассматриваться и как преступление, и как нарушение порядка отбывания наказания. В связи с этим не существовало и специального законодательства по предупреждению пенитенциарных преступлений, а действовавшие нормативные акты, касавшиеся тюремной сферы, затрагивали в основном вопросы профилактики побегов⁴.

Отечественная наука уголовного права, производной которой впоследствии стала криминология, примерно до середины XIX в. рассматри-

² См.: Фумм А. М. К вопросу о ведении учета арестантов в Российской империи (XIX–начало XX в.) // История государства и права. 2015. № 11. С. 58.

³ См.: Кудряшов И. О побеге лиц, содержащихся под стражей // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1913. № 9. С. 221.

⁴ См.: Пертли Л. Ф. Историко-правовые основы профилактики пенитенциарной преступности // Преступность, уголовная политика, закон / Российская криминологическая ассоциация. 2016. С. 481.

вала преступность как деяние, совершенное вследствие сознательных действий человека. Постепенно отечественные юристы и криминологи начали видеть в преступлении проявление индивидуальных антропологических и социальных факторов, чему способствовало развитие биологического и социологического направлений в изучении преступности, особенно антропологической школы в криминологии (Ч. Ломброзо, Р. Гарофало, Э. Ферри).

Русская уголовно-антропологическая школа, возглавляемая Д. А. Дрилем, предметом изучения взяла «преступного человека», а точнее, проявление в нем различных «аномалий», как-то: «расстройство душевное, физическое и органическое» (психическое). Это, по сути, составляло преступление. При этом немаловажная роль отводилась социальной составляющей. Так, по мнению Д. А. Дриля, «психофизическая природа человека – величина, изменяющаяся и колеблющаяся», условия социальной среды, ее изменения оказывают непосредственное влияние на проявление так называемых индивидуальных факторов⁵.

Д. А. Дриль – один из тех, кто обратился к осужденному с позиции личностных характеристик, не вынося на первый план его преступную деятельность. При изучении организации и устройства каторги на острове Сахалин им было отмечено распространение среди каторжных осужденных такого явления, как психические расстройства (эпилептическое помешательство, невротения и др.). Несмотря на то что большая часть этих расстройств, по его мнению, носила наследственный характер, условия тюрьмы оказались благоприятными для их проявления. Имелось в виду тяжелое материальное положение, антисанитарные условия проживания, «однообразие тюремной жизни», взаимоотношения в среде осужденных. Условия, в которых отбывали наказание осужденные, это та среда, которая была способна «довести осужденного до отчаяния, потери надежды, состояния, когда осужденный машет на все рукой и постепенно опускается ниже»⁶.

Подобную мысль можно встретить у писателей и публицистов конца XIX в., интересовавшихся тюрьмой, каторгой и ее криминогенной средой. Так, П. А. Крапоткин среди причин противоправных действий арестантов назвал «чрезмерную длительность предварительного заключения, плохие условия тюремного содержания, скопление сотен заключенных в грязных и тесных камерах, вопиющую безнравственность администрации пенитенциарных учреждений, отсутствие работы и постоянная нужда в одежде, продуктах питания, медикаментах»⁷.

Русский публицист В. М. Дорошевич содержательно описал быт, нравы арестантов, выделил среди них категории (Иваны, храпы, игроки, шпанка и др.), раскрыл их субкультурные нормы и традиции. Его очерк

⁵ См.: Дриль Д. А. Ссылка и каторга в России (из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь). СПб., 1898. С. 22.

⁶ Там же.

⁷ Крапоткин П. А. Тюрьмы, ссылка и каторга в России. СПб., 1906. С. 4.

«Сахалин. Преступники и преступления» представляет собой ценный материал для создания полной и всесторонней картины тюремной жизни. Преступность среди осужденных им показана, как явление очевидное, вызванное самими условиями существования. Так, картежная игра – это неотъемлемая часть каторги, производная множества преступлений. Дорошевич назвал ее болезнью, «свирепствующей эпидемией», способной перевернуть вверх ногами все попытки совершенствовать систему наказаний и мечты об исправлении осужденных. Как доказательство им приведен пример проигравшего все, «умирающего от истощения жигана, чьи безжизненные глаза вспыхивали жизнью, только когда он говорил об игре»⁸.

Еще одна причина преступности осужденных виделась в существовании такого явления, как самоорганизация осужденных. Среда, в которой существовали осужденные, имела многовековые корни. В русских тюрьмах осужденные жили по примеру крестьянской общины. Отсутствие продолжительное время каких-либо четких правовых требований в порядке содержания арестантов, в частности режима как такового, явилось причиной, что осужденные внедрили свои правила существования в тюрьме. Община фактически управляла арестантской средой, а потому интерес к ней как к социальному явлению проявлялся у многих. О ней писали Н. М. Ядринцев, Г. Н. Брейтман, С. Максимов, И. Я. Фойницкий⁹.

Русский публицист и общественный деятель Н. М. Ядринцев назвал тюремную общину «полновластным хозяином острога», создавшим себе свое самоуправление, законодательство. «Арестантский интерес стоял выше всего в остроге», и «всякая измена арестантству подлежала самому беспощадному суду»¹⁰. Ее функции были расширены настолько, что она самостоятельно могла найти украденное, остановить буйства и драки среди осужденных и многое другое.

Тюремная община жила по своим специфическим законам, противопоставляя себя установленному порядку отбывания наказания. И. Я. Фойницкий назвал ее «арестантским товариществом, скрепляющим людей во имя преступления, дающим каждому члену новые силы для совершения нарушений по выходе из тюрьмы и для борьбы с тюремным порядком во время заключения»¹¹.

Следует отметить, что арестантский общинный уклад жизни был более характерен для ссыльно-каторжных тюрем, где пребывал «более опытный» спецконтингент и где позволяли условия содержания. Каторжные тюрьмы обычно представляли собой одноэтажные бараки, обнесенные деревянной или каменной оградой, в которых арестанты определенных отрядов имели возможность свободного общения. В тюрьмах с

⁸ *Дорошевич В. М.* Каторга. Преступники. М., 2008. С. 64.

⁹ См.: *Брейтман Г. Н.* Преступный мир : очерки из быта профессиональных преступников. Киев, 1901 ; *Максимов С.* Сибирь и каторга. СПб., 1891. Ч. 1 ; *Ядринцев Н. М.* Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.

¹⁰ *Ядринцев Н. М.* Указ. соч. С. 145–148.

¹¹ *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. С. 57–61.

условиями камерного содержания у арестантской общины не было настолько больших прав и возможностей.

Причина преступности осужденных виделась и в несовершенстве самой тюремной системы. Вторая половина XIX в. – период активного обсуждения и разработки тюремной реформы. Анализ существовавшего положения в тюрьмах показал, что преступления совершались из-за отсутствия как такового порядка исполнения уголовных наказаний, содержания осужденных, соответствующего условиям изоляции, должного надзора, проводимой работы с осужденными, направленной на их исправление и перевоспитание. Тюрьма, по сути, не выполняла ни функцию изоляции, ни функцию исправления и перевоспитания осужденных. Как пишет О. И. Мальчук, совершение ими преступлений в местах лишения свободы зависело и от становления профессиональной преступности на «свободе» и развития тюремной системы в целом¹².

В таких условиях многие ученые обратились к подробному изучению пенитенциарных вопросов, объединение которых способствовало развитию научного направления тюрьмоведения как одной из отраслей уголовного права. Появились труды таких ученых, как И. Я. Фойницкий «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением», Д. Г. Тальберг «Тюремная литература или тюрьмоведение», С. В. Познышев «Основные вопросы учения о наказании», «Очерки тюрьмоведения». На обсуждение были вынесены вопросы эффективности лишения свободы как вида уголовного наказания¹³, организации жизни осужденных, возможностей их перевоспитания в условиях изоляции, реальности достижения данной цели, «изучения наказания как орудия в борьбе с преступностью»¹⁴. Российские ученые обратились к научному обоснованию способов размещения заключенных, склоняясь к одиночной системе содержания арестантов. Но попытки изменить саму систему содержания осужденных и перейти на одиночное заключение как одно из средств борьбы с пенитенциарной преступностью не дали ожидаемого результата, поскольку вместо предполагаемого переосмысления ценностей, повлекли серьезные расстройства психики осужденных. Основной вопрос по-прежнему состоял в том, как создать систему, которая привела бы к раскаянию, перевоспитанию, возвращению в общество нормальных граждан.

В связи с этим осужденный стал рассматриваться как «особая нравственная личность», которая может быть способной после воздействия на нее дисциплины, труда и религии вернуться к правильной жизни¹⁵. Определенного мнения в данном вопросе не было. Одни видели возмож-

¹² См.: *Мальчук О. И.* История возникновения пенитенциарной криминологии как раздела криминологической науки // Перспективы направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 75.

¹³ См.: *Тальберг Д.* Тюремная литература или тюрьмоведение. М., 1876. С. 11.

¹⁴ *Познышев С. В.* Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 27.

¹⁵ См.: *Люблинский П. И.* Итоги международного тюремного конгресса в Вашингтоне // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1911. № 2. С. 145.

ным исправление в условиях тюрьмы, другие – посредством взаимодействия ряда факторов: физических, личных, социальных.

Процесс реформирования системы учреждений, обеспечивающих изоляцию преступников, занял продолжительный период, затронув начало XX в. На протяжении всего этого периода тюрьма, по мнению многих, являлась «рассадником преступности» и была бесполезным средством в борьбе с нею. Преступность осужденных рассматривалась как явление, сопутствующее проблемам, связанным с общим функционированием пенитенциарной системы. Исследования теоретиков основное внимание уделяли преступности в целом, ее свойствам, тому, как проявляется личность при совершении преступления. Самостоятельных специальных исследований, в том числе криминологических, посвященных именно личности осужденного, совершившего преступление, находясь в изоляции, не проводилось вплоть до начала XX в. В этом не было необходимости, поскольку в условиях реорганизации самой пенитенциарной системы в первую очередь обсуждались мероприятия организационного характера.

Тюрьма, каторга и их криминогенная среда интересовали представителей науки, журналистики, писателей, общественных деятелей и многих других. Присутствие криминологической составляющей в их работах проявляется преимущественно в анализе субкультурных аспектов жизнедеятельности осужденных. Основной материал в рассматриваемой сфере касался влияния на преступность осужденных различных социальных факторов, среди которых условия содержания, проблемы материального обеспечения, отсутствие как такового порядка отбывания наказания. Все это было обусловлено несовершенством самой пенитенциарной системы.

Личность осужденного, вновь совершившего преступление в период отбывания наказания, не подлежала отдельному углубленному изучению. В начале XX в. появляются работы, учитывающие криминогенные свойства личности и их влияние на преступное поведение осужденного, но они скорее являются сферой изучения пенитенциарной психологии.

Библиографический список

Брейтман Г. Н. Преступный мир : очерки из быта профессиональных преступников. Киев : Тип. Губ. правл., 1901. 302 с.

Дорошев В. М. Каторга. Преступники. М. : Эксмо, 2008. 127 с.

Дриль Д. А. Ссылка и каторга в России (из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь). СПб., 1898. 50 с.

Исина А. Е. Отдельные аспекты влияния социальной обстановки в исправительных учреждениях на пенитенциарную преступность // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 88–91.

Крапоткин П. А. Тюрьмы, ссылка и каторга в России. СПб. : Свободная мысль, 1906. 59 с.

Кудряшов И. О побеге лиц, содержащихся под стражей // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1913. № 9. С. 221–232.

Кутякин С. А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2008. 156 с.

Люблинский П. И. Итоги международного тюремного конгресса в Вашингтоне // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1911. № 2.

Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1871. Ч. 1. 459 с.

Мальчук О. И. История возникновения пенитенциарной криминологии как раздела криминологической науки // Перспективы направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 74–79.

Пертли Л. Ф. Историко-правовые основы профилактики пенитенциарной преступности // Преступность, уголовная политика, закон / Российская криминологическая ассоциация. 2016. С. 480–483.

Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М. : Унив. тип., 1904. 447 с.

Тальберг Д. Тюремная литература или тюрьмоведение. М. : Унив. тип., 1876. 88 с.

Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М. : Добросвет, 2000. 464 с.

Фумм А. М. К вопросу о ведении учета арестантов в Российской империи (XIX – начало XX в.) // История государства и права. 2015. № 11. С. 47–51.

Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. 719 с.

References

Breitman G. N. the Criminal world: essays from the life of prof. criminals'. Kiev : Tip. Guberniya pravl., 1901. 302 p.

Doroshevich V. M. Hard Labor. Criminals. M. : Eksmo, 2008. 127 p.

Dril D. A. Exile and hard labor in Russia (from personal observations during a trip to the Amur region and Siberia). Saint Petersburg, 1898. 50 p.

Isina A. E. Certain aspects of the impact of the social situation in correctional institutions on penitentiary crime // international penitentiary journal. 2015. № 1. P. 88–91.

Krapotkin P. A. Prisons, exile and penal servitude in Russia. Saint Petersburg : Svobodnaya Mysl, 1906. 59 p.

Kudryashov I. About the escape of persons held in custody // Journal of the Ministry of Justice. SPb., 1913. № 9. P. 221–232.

Kutyakin S. A. Organization of criminal opposition in the penal system. Ryazan : Academy of law and management of the Federal penitentiary service, 2008. 156 p.

Lublinsky P. I. Results of the international prison Congress in Washington // Journal of the Ministry of Justice, St. Petersburg, 1911. № 2.

Maximov S. V. Siberia and penal servitude. SPb. : type. A. Tranchel, 1871. Part 1. 459 p.

Malchuk O. I. History of the emergence of penitentiary criminology as a section of criminological science // Perspectives of scientific research on the history of the criminal Executive system of Russia. Materials of the all-Russian scientific and practical conference. M., 2018. P. 74–79.

Pertli L. F. Historical and legal bases of penitentiary crime prevention // Crime, criminal policy, the law of the Russian criminological Association. 2016. P. 480–483.

Poznyshov S. V. Basic questions of the doctrine of punishment. М. : Univ. tip., 1904. 447 p.

Talberg D. Prison literature or prison studies. М. : Univ. tip., 1876. 88 p.

Foynitsky I. Ya. The Doctrine of punishment in connection with prison studies. М. : Dobrosvet, 2000. 464 p.

Fumm A. M. On the issue of keeping records of prisoners in the Russian Empire (XIX – beginning of XX century) // History of the state and law. 2015. № 11. P. 47–51.

Yadrintsev N. M. the Russian community in prison and exile. St. Petersburg, 1872. 719 p.

Для цитирования:

Локтионова Е. А. Проблемы изучения пенитенциарной преступности в отечественной науке и практике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 267–274. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9042>

Recommended citation:

Loktionova E. A. Problems of studying penitentiary crime in Russian science and practice // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2022. № 1 (48). P. 267–274. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9042>

Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

Локтионова Е. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права

E-mail: loktionovaea@mail.ru

Kursk South-Western State University

Loktionova E. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Criminal Law Department

E-mail: loktionovaea@mail.ru